

Окно

Мама собралась мыть окно и уже занесла и поставила на табуретку тазик с водой, пенно-синей от специального моющего средства, а сама ушла за чистыми тряпочками. Я отогнул гвозди и толкнул раму в палисадник, пошатнув запылённые стекла. В комнате запахло лежалыми листьями и стало слышно, как на ветках рябины колеблются те последние, что еще не опали. И вдруг стало понятно, почему старые люди мало спят, рано встают и какая невозможная сыновья боль в первой седине моей мамы! И как только обо всём этом подумал, так сразу почти физически почувствовал, что с этим грустным прозрением и сам постарел на много лет вперёд, на много шагов приблизился к своему краю и уже сейчас, из этого по-своему единственного утра ранней осени, совершенно явственно, как вот это раскрытое окно, увидел этот край, и то, что за ним, тоже на свою беду увидел.

Косынка и огурцы

В осеннем лесу—листья и перья рябчиков. И стихи:

От старого охотника—тропа
Останется...

Ничего жизнеутверждающего. Листья—падают. Перья—осыпаются после выстрела. Стихи—сочиняются вслух, в воздух, а стало быть, исходят сразу в небо, может быть—к Нему.

Только—до слёз желание: собирать всей семьёй грибы в погожий день ранней осени, где-нибудь в старом светлом осиннике. Чтобы—груздей под сухой листвой полно! И собака чтобы, бегущая с лаем через лес. А в обед котелок с горячим чаем, колбаса на дымном прутике и хлеб с последними домашними огурцами—на развязанной косынке...

Никогда так не было и, наверное, не будет.

А ведь просто всё! Боже, как просто жить! Только лес, только грибы, только пёс, косынка и огурцы. И стихов—не надо...